

Поступила въ продажу новая книга:

Кириъ Александръ

Епископъ Рязанскій и Егорьевскій

„ДНЕВНИКЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ПАЛЕСТИНУ“.

Книга украшена портретомъ автора на хорошей бумагѣ.

Цѣна 75 коп.

Обращаться къ Н. Д. ЗЕНИНУ.

К И Р Ъ

Александра, епископа рязанскаго и егорьевскаго,
Дневникъ поѣздки въ Палестину.

Господи благослови!

12 марта 1914 года, получивъ благословеніе архіепископа Іоанна, я съ епископомъ саратовскимъ и астраханскимъ Мелетіемъ, съ его священникомъ о. Діонисіемъ Новиковымъ и секретаремъ Сампсономъ Ивановичемъ Быстровымъ, выѣхали изъ Москвы. Провожали насъ: о. Гришенковъ съ матушкой, сестра моя Устинья Прокофьевна, племянница Лиза, сноха Ольга Евдокимовна, Константинъ Васильевичъ Ѳедотовъ, Иванъ Семеновичъ Агаѳоновъ и діаконъ Ѳерапонтъ. Ѳедотовъ и Агаѳоновъ вручили мнѣ 200 рублей денегъ для раздачи бѣднымъ въ Іерусалимѣ.

Билеты 3-го класса, взятые въ городѣ, оказались въ двухъ разныхъ отдѣленіяхъ и намъ поэтому пришлось разбиться,—я съ о. Діонисіемъ, епископъ Мелетій съ Сампсономъ Ивановичемъ. Спать было недурно, мѣста нумерованные, но жестко на одномъ пальто.

Суббота 15-го, утро, 6 часовъ. Погода туманная, весенняя; но скоро проглянуло солнце. Въ Михайловской слободѣ я вышелъ на платформу. Грѣетъ солнце, поля уже зеленѣютъ, но часть еще подъ водою. Написалъ сыну Янѣ открытку. Послѣ Михайловки—дождь; всюду много воды.

Закусывали и чай пили въ отдѣленіи епископа Мелетія: маслины, яблоки, апельсины, перецъ фаршированный.

Въ Бахмачѣ—дождь, выйти не охота, хотя тепло. Все болѣе и болѣе появляется зеленѣющихъ полей; встрѣчаются изрѣдка пашущіе на быкахъ и лошади; проглянуло опять солнце. На станціи Бобровицы ходятъ въ легкихъ одеждахъ; снѣга отъ Брянска уже не видали. Дождь принимался раза два; предъ Кіевомъ увидѣли 1-ю радугу. Травка появилась, продаютъ цвѣты; деревья распускаютъ почки.

Въ 5 часовъ вечера прибыли въ Кіевъ. Встрѣтилъ внукъ Коля. Выросъ, чуть не на голову выше меня. Сдавъ багажъ на храненіе и поручивъ носильщику взять плацкарты до Одессы, отправились на трамвай въ городъ, подъ водительствомъ Коли. Посѣтили Владимирскій храмъ. Постояли, пока не начали всенощную. Прослушали ектенію: діаконъ говорилъ теноркомъ, пѣвчіе пѣли на хорахъ. Въ храмѣ древностей нѣтъ; все новое, съ подражаніемъ древнему, въ особенности расположеніе храма—наподобіе Софійскаго. Иконы и стѣнописи высокаго художества, но смѣсь древняго съ новымъ; царскія двери очень низкія, но по древнему—Благовѣщеніе вверху. Изъ храма мы прошли пѣшкомъ кварталъ и сѣли на трамвай; собственно—не сѣли, а стояли на площадкѣ,—народу биткомъ.

Въ Софійскомъ соборѣ читали уже екса псалмы и очень хорошо; народу полно, много военныхъ. Стояли мы около праваго столба, гдѣ фреска святителя Николы съ двухперстнымъ сложеніемъ; открывать ее поэтому сильно препятствовалъ митрополитъ Филаретъ, но императоръ Николай I настоялъ.

Фрески современны храму.

Осматривать подробно храмъ было неудобно во время служенія.

Отсюда проѣхали до площади Подольской и прошли до моленной на Набережной-Никольской, № 9. Служилъ протоіерей Поликарпъ—въ скуфѣ съ прозуменами и діаконъ Семенъ. Прокимень къ Евангелію сказывалъ стихарный сынъ о. Поликарпа. Народу было очень мало.

Прослушавъ Евангеліе, приложились къ нему въ алтарѣ; держали—священникъ и діаконъ. Пропѣли „Покаяніе“, „На спасенные“ и „Множество“—очень хорошо, не спѣша. На правомъ клиросѣ уставщикъ—Иванъ Кольцовъ,—3-й годъ служить. На лѣвомъ—вторымъ стоитъ сынъ покойнаго діакона Черепенина—съ сильнымъ голосомъ (баритонъ).

По 1-й пѣсни простились, прося молиться о благополучномъ путешествіи. Бывшій церковный староста просилъ насъ послужить теперь же или заѣхать на обратномъ пути. Епископъ Ермогенъ рѣдко служитъ у нихъ. Пѣніе двѣиць, бывшее ранѣе, прекратилось по болѣзни регента.

Прошли „братскимъ дворомъ“, гдѣ Духовная Академія, и сѣли на трамвай. Проѣхали по Крещатику, мимо памятника Столыпину, который осмотрѣли, идучи на другой трамвай. Съ Колей простились на Фундуклеевской улицѣ.

Въ 9^{1/2} час. вечера выѣхали изъ Кіева.

Въ дорогѣ къ намъ присталъ какой-то старикашка (вѣроятно, сектантъ—„сіонистъ“), начавъ разговоръ на религіозную тему. Говоря объ Іудѣ предателѣ, онъ указалъ, что ссылка на пророка Іеремию о 30-ти сребренникахъ невѣрна, такого текста нѣтъ у пророковъ. С. И. Быстровъ замѣтилъ ему, что это есть у Захаріи.—„Нѣтъ, этотъ текстъ не объ этомъ говоритъ, а о завѣтѣ: *разрушу завѣтъ Мой...* (текстъ приводитъ на память); это значитъ, что настанетъ время, когда израильскій народъ—хозяинъ Палестины—соберется туда чрезъ Мессію, возстановитъ храмъ, и Мессія возстановитъ Іудейское царство и найдетъ Библию древнюю, которую скрылъ Ездра“. Разговоръ о подлинной библии начался съ его вопроса: сохранилось ли подлинное Евангеліе? Я отвѣтилъ, что нѣтъ, не сохранилось. Извѣстны рукописи, говорю, относятся къ 4 вѣку, не ранѣе (таковъ, напримѣръ, „Синайскій“ манускриптъ, приобрѣтенный Государемъ Николаемъ II и хранящійся въ Спб. Публичной библіотекѣ. Но достовѣрность (подлинность) Евангельской исторіи отъ этого не страдаетъ. Нашъ собесѣдникъ (по національности кажется, жидъ, хотя говоритъ безъ акцента), часто приходилъ къ намъ и опять навелъ разговоръ на религіозную тему, съ замѣтнымъ намѣреніемъ подорвать авторитетъ Евангелія и Апостольскихъ Дѣяній и посланій. Спросилъ

объ ученіи аеонитовъ. Я сказалъ, что мало знакомъ съ этимъ; знаю только, что они почитаютъ самое имя Ісусъ—Богомъ. „Это ложь, воскликнулъ онъ: Ісусъ, имя человѣческое; въ древности были: Ісусъ Наввинъ и др.“. Я под-сказалъ: Ісусъ сынъ Сираховъ, Ісусъ Оседековъ. „Если почитать имя, то слѣдуетъ почитать оное на первоначальномъ еврейскомъ, языкѣ—Йешуа“—Я поправилъ его: „Ешуа“, говорю.— „Да, вѣрно! А вы знаете, спрашиваетъ, еврейскій древній языкъ“?—Нѣтъ, но я изучалъ какъ на разныхъ языкахъ произносится имя Христа: на еврейскомъ—Ешуа, на греческомъ—Іисусъ, на латинскомъ—Іезусъ, на сербскомъ Ісусъ, съ одной И. „Изъ за имени, говорить, вели горячій споръ старообрядцы“. Мы, конечно, промолчали. Какъ-то незамѣтно онъ перешелъ на лицо Спасителя, что Онъ восхитилъ (выразился „ограбилъ“). у Отца царство и долженъ передать оное Отцу. На нашъ протестъ, что это кощунство и хула, онъ привелъ текстъ апостола: *„егда покорить Ему всяческая, тогда и Самъ Сынъ покорится“* и др.: *„егда предастъ царство Богу и Отцу“* подъ этимъ онъ разумѣетъ царство земное, іудейское, которое скоро возстановится. И вы, говорить, молитесь сами въ молитвѣ Господней: *„да придетъ царство Твое“*. Переходя къ Іудѣ, котораго защищаетъ какъ исполнителя предопредѣленія Божія о страданіи Христа, выразился, что „Ісусъ долженъ былъ быть распятъ. Если бы Онъ пришелъ и тогда, когда возстановится царство іудейское, то и тогда онъ долженъ бы быть казненъ по закону: „Аще возстанетъ мужъ, творяи чудеса и будетъ увлекать на поклоненіе инымъ богамъ, не ходите вослѣдъ его, искушаетъ васъ Господь Богъ... да умретъ пророкъ той“. Но не распятіемъ, ибо это казнь римская, а долженъ быть побитъ камнями“.

Возмущенные такимъ злохуленіемъ мы потребовали прекратить разговоръ и не сквернить нашу совѣсть.

Онъ замолчалъ и не сталъ болѣе заговаривать о вопросахъ религіозности. Какъ видится, онъ изъ секты „сіонитовъ“, и Библію знаетъ очень хорошо. Знаетъ много текстовъ и изъ Новаго Завѣта. Къ сожалѣнію, мы этимъ не можемъ похвалиться, а книгъ съ нами не имѣлось. Да и не желали вести полемику въ такомъ направленіи.

А какъ необходимо знать болѣе текстовъ на память, чтобы опровергать такихъ сектантовъ, показываетъ этотъ случай.

Воскресенье 16-го. Погода ближе къ Одессѣ, измѣнилась: дождь, сырость, вѣтеръ. Въ самой Одессѣ, куда мы прибыли въ 3 часа, дождь пересталъ. Носильщики взяли нашъ багажъ, сложили на телѣжку, которую и свезъ наемный человѣкъ прямо на Пантелеймоновское подворье, почти на-противъ вокзала. На подворьѣ послушникъ Іоасафъ и старшій Өалалей помѣстили было насъ въ два №, но мы не захотѣли разбиваться и помѣстились въ одномъ, № 7-мъ въ 3-мъ этажѣ. Передали свои паспорта и, напившись чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ, пошли къ епископу Кириллу, на Преображенскую, № 75, отъ подворья, находящагося на Пантелеймоновской ул. квартала 3—4. Храмъ старообрядческій многоглавый, выходитъ алтаремъ

на улицу. Взошли на дворъ, встрѣчаются молящіися, освѣдомившіе, что „вечерня кончилась“. Взошли въ храмъ. Епископъ Кириллъ и священники Стефанъ и Петръ, послѣдній поставленъ только сегодня для Б. Охты въ Петроградъ, и діаконъ Григорій уже шли изъ храма. Поликовались по обычаю. Благословили духовенство, дьячковъ и прихожанъ, между коими былъ Евдоксій Ивановичъ Барченковъ. Осмотрѣли храмъ. Порядочный, алтарь приложенъ полукругомъ, съ выступомъ на улицу, съ разрѣшенія градоначальника Толмачева. Въ алтарѣ интересенъ образъ святителя Николы въ ростъ, выжженный на доскѣ сыномъ Тюрина, копія Васнецова изъ Владимірскаго (Кіевскаго) храма. Мѣстныя иконы Святителя и Богородицы работы о. Стефана, фряжскаго письма, но очень порядочныя. Полъ въ алтарѣ мѣстами испортился.

Въ это время стали собираться дѣти-любители пѣнія (обоого пола), для спѣвки подъ руководствомъ и управленіемъ Ив. Логинова. Собралось болѣе 20 человекъ. Есть и дѣвицы и ребята молодые. Спѣли сначала: „Днесъ Христосъ въ Виеліемѣ раждается отъ Дѣвы“. Регентъ съ палочкой въ рукахъ указывалъ не на текстъ и крюки, а помахивалъ учащая и задерживая темпъ. Въ общемъ недурно спѣли для любителей. Но мнѣ не нравятся эти оттяжки и ускоренія. Потомъ спѣли: „Днесъ благодать“, и по моему желанію „Архангельскій гласъ“ и его же 2-й разъ съ „аненайками“. Я поблагодарилъ ихъ за усердіе и любовь къ пѣнію, высказалъ свое мнѣніе, что слѣдуетъ пѣть плавнѣе, безъ выкриковъ, задержекъ и учащеній.

Они спѣли: „Тонъ деспотинъ“ и я благословилъ ихъ со словами: „да сохранить васъ Господь Богъ своею благодатію“. И вышли изъ храма въ квартиру епископа Кирилла на этомъ же дворѣ. Епископъ Кириллъ высказалъ, что не доволенъ руководителемъ хора и что послѣ Пасхи его рѣшили уволить. Поговорили о нашей поѣздкѣ въ Іерусалимъ и о его въ Куреневскій монастырь для исповѣди монашекъ. Ёдетъ завтра. Жалуется на болѣзнь—гемморой, сидитъ на подушкѣ. Говорилъ, что получилъ отъ архіепископа „порученіе“ священникамъ противъ пѣнія „Херувимской-болгарской“, но еще не разослалъ. О бранобритіи же разослалъ. Эта язва его весьма беспокоитъ; христіане села Плосскаго, бывшіе раздорники, на это указываютъ, какъ на ересь, и говорятъ, что-де допускаются въ Одессѣ не только бритые, но и разновѣрцы молиться, съ вѣдома епископа Кирилла. Епископъ Мееодій пріѣзжалъ въ Плосское съ цѣлью пропаганды.

17-го утромъ, послѣ чая, проѣхались по городу на трамваѣ, № 1 и 28. Въ 2 часа въ сопровожденіи пѣвчаго Кипріана прошли къ Авксентію (Евдоксію) Ивановичу Барченкову, управляющему т-ва Кузнецова, на обѣдъ. Сюда же вскорѣ пришелъ епископъ Кириллъ съ священникомъ с. Плосскаго—Козьмой, который рассказалъ, что епископъ Мееодій развращаетъ его прихожанъ. Въ с. Плосскомъ 2 тысячи домовъ, 3 священника примирившихся изъ „окружниковъ“, Іосифцевъ и Кирилловцевъ. Теперь епископъ Мееодій старается тамъ свою партію завести и толкуетъ, что

епископъ Кирилль еретикъ-окружникъ и общинникъ. О. Козьма (по его объясненію) борется съ этимъ и настаиваетъ, чтобы публично произвести бесѣду съ раздорниками. Епископъ Мееодій бесѣдовать самъ отказался, но обѣщалъ прислать священника Маркіана Новичкова, с. Бакуръ, Сердоб. уѣз. Бесѣда назначается 23-го апрѣля.

О. Козьма проситъ епископа Кирилла къ этому времени приготовить собесѣдника съ нашей стороны. Епископъ Кирилль обѣщалъ, кажется, пригласить о. Θεодора Гуслякова. Про назначеннаго о. Маркіана о. Діонисій разсказалъ, что онъ былъ „нашъ“, добивался священства и, не получивъ (онъ криворукій), ушелъ къ епископу Пафнутію саратовскому, который и поставилъ его на Саратовъ. Но здѣсь единомысленниковъ ихъ оказалось мало, и о. Маркіанъ ушелъ въ другой приходъ. Держится раздора не по убѣжденію; заявлялъ желаніе у насъ занять приходъ; на погребеніе своего прихожанина пригласилъ нашихъ пѣвцовъ.

Епископъ Мееодій, по словамъ о. Козьмы, „Иисуса“ признаетъ антихристомъ, крестъ четвероконечный—кумиромъ. О. Козьма обличалъ его въ этомъ, что при такихъ понятіяхъ ему нужно снять облаченіе и не считать себя епископомъ, ибо оно отъ антихриста. Оригинально о. Козьма возражалъ о четвероконечномъ, говоря, что онъ бываетъ выше осмиконечнаго, и именно—когда священнодѣйствующій копіемъ на просфорѣ съ печатію осмиконечнаго креста начертываетъ четвероконечный. Про своихъ прихожанъ о. Козьма отзывается какъ о грубыхъ ругателяхъ. Самъ тоже, какъ видится, не уступаетъ имъ въ этомъ. Человѣкъ—здоровенный мужикъ.

Послѣ обѣда и чая мы простились съ хозяиномъ и хозяйкою и съ епископомъ Кирилломъ, обошли магазинъ и прошли домой. Заходили по пути въ синагогу еврейскую; очень обширна, съ хорошей отдѣлкой.

Заходили на вокзалъ почти каждый день, за газетами. Вокзалъ—обширный, очень роскошный. Вечеръ дома просидѣли, занимаясь писаньемъ открытокъ.

18-го. Покушавъ, проѣхали по указанію о. Матридіана, секретаря подворья (милый человѣкъ какъ и оо. Θεалелей и Іоасафъ), по трамваю № 1 и 33 къ таможенѣ и въ портъ. Посмотрѣли съ берега на бухту и волнующагося „моря Чернаго пучину“, на пароходы-русскіе и заграничные, выгружающіеся и нагружающіеся.

Вотъ стоитъ громада-пароходъ Итальянскій (по названію), выгружаетъ плиты бѣлаго мрамора. Паровая лебедка поднимаетъ изъ трюма 2—3 плиты и спускаетъ за бортъ на мостовую. Здѣсь рабочіе, кажется, греки, турки и русскіе берутъ плиту на плечи 6—8 человѣкъ и несутъ на мѣста. Вотъ небольшой сравнительно греческій пароходъ грузитъ тесъ, который подносятъ рабочіе и складываютъ въ кучи по 3—4 десятка; зацѣпивъ оныя цѣпью, лебедка живо уноситъ эту кучу и опускаетъ въ трюмъ. Но насъ болѣе интересуетъ море, въ которое мы и всматриваемся въ бинокль: какъ-

то оно встрѣтитъ насъ и донесетъ до св. Града? Волнуется оно порядочно и въ бухтѣ, лодочникъ держится на веслахъ близъ камнемъ обдѣланнаго берега, дожидаясь сѣдоковъ. Я предлагаю епископу Мелетію прокатиться, чтобы ознакомиться съ предестію моря и испытать себя на волнахъ. „Мнѣ еще жизнь не надоѣла“, отвѣчаетъ онъ. Около болтаютъ женщины на непонятномъ языкѣ, не то еврейки, не то армянки. По костюму—тѣ же русскіе. Идемъ обратно. Но вотъ нашъ взоръ останавливается на морскомъ великанѣ—пароходѣ „Одесса“ и у насъ является желаніе осмотрѣть его. Посылаемъ Сампсона Ивановича испросить разрѣшеніе. Но матросъ, стоящій на вахтѣ, отказывается: „Старшій спитъ, безъ его разрѣшенія нельзя“. Съ сожалѣніемъ отходимъ. Но вотъ еще стоитъ и грузится валиканъ-красавецъ пароходъ „Императрица Екатерина II-я“. Останавливаемся и смотримъ въ бинокль, желая угадать, гдѣ помѣщаются 1 и 2-й классъ. Первый находимъ скоро,—въ самомъ верху, но втораго не видимъ. Этотъ пароходъ идетъ въ четвергъ въ Александрію, и мы предполагаемъ на немъ доѣхать до Константинополя. Поэтому понятно наше сильное желаніе осмотрѣть его. Но неудача съ „Одессой“ обезкуражила насъ. Идемъ и посматриваемъ на „красавца“. Но тутъ намъ посчастливилось. Подходить къ намъ пожилой господинъ въ формѣ, намъ неизвѣстной, и спрашиваетъ: „Куда вы, оо., собираетесь ѣхать?“ Мы объясняемъ. И, къ нашему удовольствію, онъ даетъ намъ подробныя объясненія, что ѣхать лучше на этомъ пароходѣ въ четвергъ до Александріи, а тамъ пересѣсть на „круговой“—до Яффы. Этимъ путемъ мы въ воскресенье Вербное можемъ быть въ Іерусалимѣ, тогда какъ на „круговомъ“, который пойдетъ только въ субботу, мы въ Яффу можемъ прійти только въ среду на страстной. Но бываетъ иногда, что и нельзя высадиться въ Яффѣ изъ-за волненія, и волей-неволей приходится проѣзжать въ Александрію. Мы почти соглашаемся и изъявляемъ желаніе осмотрѣть пароходъ. Спрашиваемъ имя чиновника. И что же оказывается: этотъ любезный господинъ есть управляющій „Палестинскаго о-ва“ Михаилъ Ивановичъ Осиповъ, къ которому мы собирались послать С. И. за нѣкоторыми свѣдѣніями. И вотъ онъ самъ на лицо, самъ нашелъ насъ и даетъ совѣты. Онъ, по нашему желанію, идетъ на пароходъ и съ дозволенія помощника капитана ведетъ насъ. Въ сопровожденіи офиціанта и Михаила Ивановича мы прошли 2-й и 1-й классы и подробно осмострѣли это чудовище—по величинѣ и красавца по отдѣлкѣ. Но объ этомъ, можетъ быть, повторю еще—когда будемъ ѣхать на немъ. Простившись съ добрѣйшимъ Михаиломъ Ивановичемъ мы отправились на подворье и здѣсь всесторонне обсудивъ—какимъ путемъ ѣхать чрезъ Александрію, съ пересадкой въ ней, или на Константинополь, съ пересадкой въ немъ, рѣшили ѣхать до Константинополя на „Екатеринѣ II-й“, чтобы имѣть возможность подробнѣе осмотрѣть Константинополь и повидаться съ патріархомъ. А когда придетъ субботній пароходъ—пересѣсть на него и ѣхать до Яффы.

Вечеромъ прошлись и проѣхались по разнымъ улицамъ, чтобы ознакомиться съ г. Одессою, ея улицами, базарами и строеніемъ.

Городъ расположенъ правильными квадратами улицъ. Замѣчательна мостовая—изъ плитокъ темнаго камня. Тротуары широкіе, обсаженные бѣлой акаціей, множество магазиновъ—съ скамьями противъ почти cadaго. Интересны вагоны съ часами въ каждомъ; трамвай проложенъ по многимъ улицамъ, и вагоны почти всегда полны. Далѣе отъ центра большею частію живутъ евреи—грязно; бѣдноты много видится по улицамъ, пристають съ просьбою о помощи, нищія болѣе около церквей и подворій. Вечеромъ неожиданно посѣтилъ насъ М. И. Осиповъ: просидѣлъ часа два, рассказывая случаи изъ 30-ти лѣтней своей жизни въ качествѣ уполномоченнаго Императорскаго Палестинскаго Общества. Давалъ совѣты и наставленія. Интересенъ его рассказъ о старушкѣ—съ документомъ о продажѣ хаты—вмѣсто паспорта, который она съ настойчивостью считала настоящимъ паспортомъ, ибо московская и ярославская полиціи приложили на немъ свои печати при явкѣ. М. И. лично ходилъ съ ней къ градоначальнику Зеленому и тотъ, расхохотавшись, подписалъ: „выдать“.

На вопросъ нашъ: можно ли вывезти изъ Іерусалима какую-либо вѣточку, камушекъ и т. п. сказалъ, что отъ дуба Мамврійскаго и изъ сада Геосиманскаго нельзя, то и др. огорожены желѣзной рѣшеткой и доступъ къ нимъ невозможенъ. Да и нельзя этого допустить: паломники могли бы по листочку все растащить. Гробъ или правильнѣе пещера гроба Господня состоитъ изъ камня, такъ и ту начали зубами грызть, чтобы хоть маленькій кусочекъ привезти домой. Вынуждены были обложить мѣдными листами края пещеры. Камушекъ съ горы Елеонской и съ др., конечно, можно; можно и ваія, финиковыя вѣтви пріобрѣсти покупкой или получить изъ рукъ патріарха въ Вербное. Ему, М. И. Осипову, предоставлено право до 5 тысячъ пудовъ бесплатно провозить ежегодно въ Палестину разныхъ пожертвованій—въ видѣ колоколовъ и пр.

Высказали мы желаніе видѣться съ патріархомъ константинопольскимъ. Онъ, подумавъ, сказалъ: „Вамъ нужно будетъ обратиться къ русскому послу и просить его объ этомъ, и онъ можетъ испросить вамъ аудіенцію у патріарха, и проводить къ нему съ кавасомъ-переводчикомъ, который не будетъ переводить и говорить вмѣсто моста верблюды. Нужно замѣтить, что М. И. за свою 30-тилѣтнюю практику много набрался разныхъ анекдотовъ и при природномъ юморѣ уснащаетъ свою рѣчь разными анекдотами и прибаутками. Вообще же человекъ—милый и религіозный. Нерѣдко можно было видѣть на глазахъ его слезы при рассказѣ трогательныхъ случаевъ его жизни. Онъ на себѣ испыталъ ужасъ возстанія „потемкинцевъ“, бомбардировку Одессы, пожаръ гавани и стрѣльбу войскъ залпами изъ его квартиры и даже слышалъ жужжаніе пули, пролетѣвшей мимо уха его; пули, направленной въ него студентомъ-жидомъ, который, при рѣчи М. И. къ паломникамъ—не забывать родину и Царя и молиться за нихъ, требовалъ прекра-

щенія этой рѣчи. Но М. И. рассказалъ ему анекдотъ объ армянинѣ-торговцѣ фруктами и студентѣ, руками перехватывавшемъ фрукты: „Ты студентъ?—Студентъ; учишься—учусь; ну иди прежде доучись, а то ты еще дуракъ-неучъ“...

Въ складѣ Палестинскаго Общества была сложена масса книгъ Священнаго Писанія, которыя раздавались въ благословеніе паломникамъ. И вотъ въ пожаръ гавани все это обратилось въ кучу пепла. Сынъ его, безцѣльно расшвыривая палкой пепель, вдругъ увидѣлъ уцѣлѣвшій маленький обгорѣвшій по краямъ листочекъ, чудомъ сохранившійся. Когда М. И. взялъ его, то оказалось, что это изъ 17-й каѳизмы, стихи 149—154, какъ бы пророчество о совершающемся погромѣ и объ освобожденіи отъ погубленія праведника и гибели нечестивыхъ. Невольно приходится признать, что Богъ и нынѣ творитъ великая и дивная: „Кто Богъ веліи, яко Богъ нашъ, ты еси Богъ творяй чудеса“.

Ушелъ отъ насъ М. И. около 10 часовъ вечера, обѣщаясь исклопотать намъ билеты до Яффы съ пересадкой въ Константинополь. О чемъ и хотѣлъ сообщить по телефону около 11 часовъ дня.

Въ среду, 19-го марта, мы прождавъ извѣстія отъ М. И. и не получивъ оное, въ 12 часовъ уѣхали трамваемъ на бульваръ, откуда послали С. И. въ контору на пристани—взять билеты, хотя бы до Константинополя. Въ часъ 40 минутъ онъ принесъ билеты до Константинополя (стоятъ по 14 р. 25 коп. и карантинный сборъ—2 р.);—до Яффы, сказалъ кассиръ, нельзя на этой линіи выдавать. Распоряженія же иного онъ не получилъ. Послѣ сего мы рѣшили проѣхать на Бол. Фонтанъ: это очень далеко; ѣхали 50 минутъ и довольно шибко. Но интереснаго мало; когда распустятся деревья, вѣроятно, хорошо, ибо дорога идетъ между дачъ; изрѣдка открывается видъ на море. Въ поляхъ зеленѣетъ трава и хлѣбъ озимый и виднѣются всходы ярового; почки на нѣкоторыхъ деревьяхъ распускаютъ уже листья. Солдатики и кадеты учатся на зеленомъ полѣ, частію въ однихъ рубахахъ. Солнце хорошо грѣетъ.

На берегу Бол. Фонтана нѣтъ никакихъ построекъ, только на горѣ стоитъ старый разрушающійся маякъ.

Возвратились мы на подворье въ 4 часа съ половиною. Здѣсь ждалъ, насъ Авксентій Ивановичъ Барченковъ, по порученію Михаила Ивановича Осипова, сказать намъ, что по его просьбѣ директоръ „Р. О. П. и Т.“ сдѣлалъ распоряженіе—выдать намъ билетъ до Яффы. Но это распоряженіе, къ сожалѣнію, запоздало—мы взяли уже билетъ до Константинополя.

А. И. Барченковъ посидѣлъ у насъ около часу. Поразказалъ о здѣшнихъ общественныхъ дѣлахъ. Есть долгъ на О-вѣ по постройкѣ храма и покрыть его затрудняются. Дмитрій Кирилловичъ Иларіоновъ скупъ, хотя имѣетъ милліона полтора и лѣтъ слишкомъ 80, безъ прямыхъ и единовѣрныхъ наслѣдниковъ. Даетъ деньги въ ростъ и копитъ капиталъ...

Прощаясь, Авксентій Ивановичъ обѣщалъ прійти проводить насъ. Мы принялись писать послѣднія въ Россіи письма: я написалъ Янѣ и архіепископу.

20-го марта, четвергъ.

Напившись чаю и закусивъ, мы расплатились за помѣщеніе, сложили багажъ на два извозчика, съ которыми поѣхали о. Діонисій и Сампсонъ Ивановичъ. Мы же съ епископомъ Мелетіемъ отправились на трамваѣ № 1 и прошли по бульвару и мимо городской думы, спустились къ таможенѣ. Около парохода „Императрица Екатерина II“ толпился народъ разныхъ языковъ; заканчивалась погрузка морскаго великана. Безъ паспортовъ на пароходъ полиційскіе не пропускаютъ и намъ пришлось постоять минутъ 20, созерцая разноплеменную публику съ ихъ скарбомъ... Вотъ семья не то армянъ, не то грековъ около хлама (на взглядъ нашъ) болтаютъ съ багажнымъ, который ставитъ кистью знаки и цифры,—на подобіи дивана съ сундукомъ, колесахъ, осяхъ и т. п. Наконецъ появляется нашъ Сампсонъ Ивановичъ (ихъ пропустили съ багажомъ и они заняли уже каюту № 4, четырехмѣстную, 2-го класса), а потомъ приходитъ и о. Фалалей съ паспортами для отмѣтки ихъ въ жандармской конторѣ. Получили мы ихъ отъ чиновника каждый лично и вошли на пароходъ. Каюта оказалась довольно помѣстительная, по 2 койкѣ одна надъ одной, по обѣимъ сторонамъ. Къ стѣнкѣ борта поставленъ диванъ. Зеркало надъ умывальникомъ, шкафъ для посуды (на случай морской болѣзни).

Чистота безукоризненная—постельное бѣлье, электрическое освѣщеніе.

Проводить насъ пришелъ Авксентій Ивановичъ Барченковъ и Михаилъ Ивановичъ Осиповъ, а потомъ Никита Ивановичъ Тюринъ. Пришелъ и директоръ Русскаго Общества пароходства и торговли Яковъ Евстафьевичъ Левторъ, который обѣщалъ поговорить капитану „Одессы (оказывается онъ пойдетъ въ субботу до Яффы). Предъ отходомъ парохода на него вошли жандармы и полковникъ осматривать пароходъ. Одинъ армянинъ потерялъ паспортъ и его хотѣли ссадить. Но по справкѣ оказалось, что его паспортъ былъ заявленъ и поэтому по ходатайству знакомыхъ пропустили его.

Наконецъ, 3-й свистокъ, и мы раскланиваемся съ знакомыми. Убирается трапъ, и пароходъ отрывается отъ русской земли, ведомый маленькимъ пароходомъ за корму, пока не обернулись носомъ къ воротамъ въ бухтѣ. По выходѣ изъ бухты пароходъ пошелъ полнымъ ходомъ, и мы, стоя на верхней палубѣ 1-го класса, смотрѣли на уходящій отъ насъ городъ. Вотъ прошли ближній и средній Фонтанъ, а потомъ и большой Фонтанъ. Чрезъ часъ скрылись изъ глазъ берега, и мы очутились одни въ открытомъ морѣ. На меня море не произвело особаго впечатлѣнія, такъ какъ я видѣлъ Каспійское море не разъ.

Но тѣмъ не менѣе мы долго не уходили въ каюту, дыша морскимъ воздухомъ. Вѣтерокъ былъ порядочный, скоро появились и бѣляки (ба-

рашки); но нашъ громаднѣйшій пароходъ-красавецъ не чувствовалъ волнъ и мы не ощущали качки.

Въ столовой, хорошо обставленной и мебелированной, мы закусили и попили чайку. Закуска наша и обѣдъ составляли: маслины, маренады разные въ коробкахъ, фрукты—яблоки, апельсины и финики.

Послѣ вечерней закуски мы сидѣли въ каютѣ занимаясь, кто чтеніемъ газетъ, кто—путеводителей, вдругъ въ 7 часовъ входитъ официантъ и подаетъ мнѣ и епископу Мелетію радіотелеграммы такого содержанія: „Изъ Одессы. Принята 2 апр. (т.-е. н. ст.) 1914 г. 6 час. 35 мин. пополудни. Радіотелеграфъ, пароходъ Импер. Екатерина II. Старообрядческому епископу Александру, „молитвенно желаю вамъ благополучнаго путешествія. Барченковъ“. Эта первая для насъ телеграмма въ открытомъ морѣ (мы отошли изъ Одессы въ 12 съ половиной; слѣдовательно телеграмму получили чрезъ 6 часовъ, когда мы отошли не менѣе 150 верстъ!) Телеграмма насъ обрадовала и крайне заинтересовала.

Вотъ до чего дошелъ умъ человѣка: воздухъ передаетъ электрическія волны и протянутыя отъ одной мачты къ другой 4 проволоки улавливаютъ ихъ, а телеграфистъ записываетъ, что передаютъ за сотню верстъ. Потолковавъ на эту тему, мы рѣшили тотчасъ же отвѣтить нашему любезному корреспонденту, тоже радіотелеграммой. Мы такъ отвѣтили ему: „Одесса, Барченкову. Сердечно благодаримъ, ѣдемъ хорошо, волненіе малое, сообщите архіепископу. Александръ, Мелетій“. Сампсонъ Ивановичъ понесъ эту телеграмму. Черезъ нѣсколько минутъ приходитъ и говорить, махнувъ рукой: „сейчасъ пойдетъ, вотъ только освободится путь!“ Оказывается путь занятъ. „Какъ же вы знаете?“ спрашиваетъ С. И. телеграфиста. „А вотъ послушайте“, говоритъ. Снимаетъ съ своей головы въ родѣ металлической ленты, надѣваетъ на голову Самсону Ивановичу—какъ надѣваютъ дѣти гребенку. На одномъ концѣ этой ленты небольшой слуховой аппаратъ приставляется къ уху.—„И вотъ я слышу, рассказываетъ С. И. постукиваніе,—выбиваніе условныхъ точекъ, употребляемыхъ въ телеграфѣ. Этотъ аппаратъ оказывается, всегда находится на головѣ и на ушахъ телеграфиста и вотъ когда онъ услышитъ названіе своего парохода, беретъ карандашъ и записываетъ. А когда ему нужно послать радіотелеграмму, онъ улавливаетъ моментъ, когда аппаратъ не стучитъ“.

Такимъ образомъ и гибель „Титаника“ была оповѣщена пароходамъ, идущимъ въ океанѣ, и нѣкоторые успѣли подойти и спасли многихъ пассажировъ. Небудь этого—всѣ бы погибли! Теперь на всѣхъ пароходахъ, совершающихъ морское плаванье, имѣются радіотелеграфы.

21-го марта, въ четвергъ, мы еще разъ были удивлены. Утромъ въ столовой появилась радіотелеграмма, въ которой сообщались интересныя новости: изъ Вѣны, Рима, Θεодосіи, о возстановленіи дѣйствія кратера, грязью заливагого поля и осѣвагого на двѣ сажени. О забастовкѣ въ Петроградѣ, о сожженіи въ Малой Азіи турками армянскаго селенія, о гостяхъ у Государя и пр.

Не удивительно поэтому сообщеніе, что на океанскихъ пароходахъ даже печатають свои газеты!

Часовъ въ 12 я зашелъ въ читальню I-го класса и, просмотрѣвъ иностранные иллюстрированные журналы, увидѣлъ бланки-листы и конверты со штемпелемъ нашей „Екатерины“ и написалъ письмо Янѣ—„съ моря Чернаго“, передавъ оное для опущенія въ ящикъ на пароходѣ.

Въ часъ дня мы подошли къ Босфору. Чудная открылась глазамъ нашимъ панорама! Босфоръ, шириной съ Неву, представляетъ изъ себя проливъ, раздѣляющій Европу отъ Азіи: справа европейскій берегъ съ Румелійскимъ маякомъ, слѣва—Анатолійскій.

Берега гористые, покрытые кипарисами, соснами особой породы—широковѣтвистой и мелкимъ кустарникомъ. Крѣпости и др. постройки казенныя и частновладѣльческія; Дворцы, дачи пословъ: Россіи, Австріи и Америки. Развалины старыхъ крѣпостей, цвѣтушіе сады. Наконецъ показывается Константинополь, съ многочисленными мечетями и минаретами и среди нихъ „Айя-Софія“—знаменитый Іустиніановъ-Софійскій соборъ, обращенный въ мечеть и обставленный минаретами. Больно становится на душѣ при этомъ видѣ...

Часто встрѣчаются маленькіе пароходики, развозящіе публику по окрестностямъ Босфора. Попадаютъ и корабли иностранные—американскіе, итальянскіе, греческіе и пр. Наконецъ наша „Екатерина“ тихо подходитъ къ пристани въ Галатѣ. На берегу копошатся разные народности, но преимущественно османлисы. Вотъ проѣзжаетъ лодка съ русскими моряками въ „матроскахъ“.

По отданіи трапа къ намъ всходятъ власти, носильщики и агенты отъ гостинницъ и монахи съ подворій. Мы спрашиваемъ съ Пантелеймоновскаго подворья. Выступаетъ монахъ, по имени Іоакимъ и мы поручаемъ ему нашъ багажъ. Онъ приглашаетъ 3-хъ носильщиковъ, которые и сносятъ багажъ на берегъ. При сходѣ на берегъ требуютъ у насъ паспорта. Мы показываемъ и насъ пропускаютъ сквозь толпу. Багажъ нашъ везутъ на телѣжкѣ, но опять остановка; требуютъ за набережную, по числу мѣстъ 1 р. 30 коп. Заплатили. Идемъ въ таможеню. Здѣсь поверхностный осмотръ двухъ чемодановъ,—благодаря, конечно, монаху и его маклеру, подрядчику носильщиковъ. Монахъ предъявилъ наши паспорта и, по отмѣткѣ ихъ въ таможенѣ, два турка взваливаютъ на плечи нашъ багажъ и, связавъ веревкой, несутъ узкими, грязными улочками на подворье, а за ними слѣдуемъ и мы съ о. Іоакимомъ. Наконецъ, минутъ черезъ 8 мы дошли до Пантелеймоновскаго подворья (4-хъ этажное зданіе) и заняли № 4-й.

Закусили и намѣняли турецкихъ денегъ: меджидіе—1 р. 60 к., черекъ—40 коп., піастръ (никкель) 8 к.—10 коп., пара („паричка“—мѣдн. и никкелир.)—2 коп., лира—(золот.)—8 руб. 60 коп., полмедж.—80 коп.

Написали нѣсколько открытокъ въ Россію—роднымъ и знакомымъ. (Я купилъ на дорогѣ, еще идучи съ парохода на подворье 20 экземпляровъ за 40 коп.).

Вечеромъ съ подворья не уходили. Обѣдали въ №, что было приготовлено монахомъ: 1) лапша, 2) жареный картофель, 3) салатъ съ лукомъ и 4) что-то въ видѣ желтаго тѣста. Покушали—кислое, съ лукомъ,—оказалось икра частиковой рыбы. Не стали ѣсть. Монахъ объяснилъ, что они ѣдятъ икру, когда разрѣшается на масло. Рыбу же ѣдятъ какъ и у насъ только на Благовѣщеніе и Вербное. Около 10 часовъ мы, записавъ кое-что, легли спать. Кроватей было три; поэтому о. Діонисій и Сампсонъ Ивановичъ легли вмѣстѣ (кровати полуторныя). Но разносчики разныхъ товаровъ и съѣстныхъ продуктовъ, несмотря на ночь, продолжали выкрикивать свои товары. Ночь здѣсь—(собственно тьма) начинается тотчасъ же съ закатомъ солнца; зари нашей нѣтъ.

22-го марта 1914 года, суббота.

Встали мы послѣ 6 часовъ и въ 7 часовъ пошли въ греческій соборъ противъ подворья, на который мы обратили вниманіе—вслѣдствіе своеобразнаго звона—еще вчера. Звонница—деревянная, съ крестомъ четвероконечнымъ, съ сіяніемъ, помѣщается сбоку храма, противъ нашихъ оконъ. Молодой, стриженный грекъ взлѣзъ туда и началъ звонить, ударяя языкомъ въ оба бока колокола (пуд. 10-ти): „разъ, два, три,—„разъ, два, три“, и такъ продолжалъ минуты 3, потомъ остановился, посмотрѣлъ чрезъ перила, и еще ударилъ 1 разъ. Потомъ опять: „разъ, два, три“,—разъ, два, три“, съ минутой; и опять, повременивъ, ударилъ 1 разъ и тѣмъ закончилъ. Сегодня утромъ звонъ производился съ земли, дерганьемъ за веревку, привязанную за перекладину, на которой закрѣпленъ колоколъ, вѣсомъ въ пудъ или два. Перекладина эта вращается и языкъ отъ этого ударяетъ въ тотъ и другой край колокола. Вотъ и весь звонъ.

Разспросивъ, какъ пройти въ эту церковь („соборъ“ именуемый), мы вышли съ подворья, поворотивъ направо—прошли улочкой, на которой помѣщаются торговые лавки, одна русская. Тутъ же, на улицѣ, жарятъ и варятъ кофе; столяръ—краситъ дверь, занявъ ея полулицы. Грязь—порядочная. У лавки—собака на привязи и вольная. „Соборъ“ помѣщается въ простомъ каменномъ зданіи крытомъ черепицей—какъ и обыкновенные дома, съ маленькимъ, четвероконечнымъ крестомъ на крышѣ.

Входимъ во дворикъ, съ желѣзной рѣшеткой и воротами; здѣсь—на Полу и по стѣнамъ—торговля иконами, невысокаго письма. Паперть большая, съ дверями на обѣ улицы; и поэтому папертью проходятъ—какъ чрезъ проходной дворъ. На паперти свѣчной ящикъ, съ разной величины свѣчами, толщиной—начиная, чуть не со спичку и въ четверть длины,—до 2—3 фунтовъ и полуаршина длины.

Храмъ своею внутренностію производилъ невыгодное впечатлѣніе. На карнизѣ иконостаса—надъ мѣстными иконами,—стоитъ 1841 годъ, сооруженія—иконостаса или церкви? Когда-то онъ былъ, очевидно, хорошо отдѣланъ; колонны подъ бѣлорозовый мраморъ; иконостасъ съ позолоченной рѣзьбой. Надъ рядомъ праздниковъ—три золотыхъ рѣзныхъ орла. Но все это по-

тускло, загрязнилось. Но верхъ безобразія,—это полъ, застланный грязными, старыми досками—съ большими щелями...

Храмъ раздѣляется колоннами на три части: среднюю, гдѣ стоятъ мужчины, и двѣ боковыхъ, гдѣ помѣщались женщины. У колоннъ, по обѣимъ сторонамъ, поставлены сидѣнья (стапиды). И это какъ въ мужской части, такъ и въ женскихъ. Клироса помѣщаются за желѣзной рѣшеткой, на полу-круглыхъ возвышеніяхъ, на которыхъ также имѣются двѣ—три стапиды. Посрединѣ клироса поставленъ аналой, съ повертывающейся подставкой для книгъ. Пропѣвъ или прочтавъ въ одной книгѣ, чтецъ повертываетъ подставку и читаетъ по другой. Замысловато! Около праваго клироса, ближе къ народу, святительское мѣсто, съ иконой Спасителя подъ балдахиномъ. На правамъ клиросѣ стояли два пѣвца (монахъ или протестъ—не знаю) въ клобукахъ и въ верхнихъ рясахъ, съ широкими рукавами. На лѣвомъ—одинъ. Пѣніе производилось однимъ, а др. иногда только тянуть одну ноту. Голоса у пѣвцовъ тенора, но пѣніе въ носъ, да еще на непонятномъ языкѣ, неприятное для слуха! Служилъ одинъ священникъ. Двери (кстати сказать—вышиной въ ростъ мальчика лѣтъ десяти)—посрединѣ съ выемкой, отворялъ и затворялъ мальчикъ въ пиджакѣ. Престолъ большой, но какъ будто къ стѣнѣ приставленный. По крайней мѣрѣ мы не замѣтили, чтобы священникъ ходилъ вокругъ него. Выходъ—какъ съ Евангеліемъ, такъ и съ дарами—совершался изъ сѣверныхъ дверей, чрезъ женское отдѣленіе и серединой храма, въ предхожденіи пономаря съ діаконовской свѣщей. Апостолъ и Евангеліе читаютъ, обратясь къ народу. Послѣ „херувимской“ (мотивъ—недуренъ, унылый, но пѣлъ одинъ пѣвецъ), ектенію говорилъ священникъ при закрытыхъ дверяхъ—громко, и пѣвецъ лѣваго клироса иногда тихо пѣлъ: „киріе елейсонъ“. „Дору“ раздавалъ священникъ, лѣвой рукой, изъ сосуда, на подобіе миски, въ то же время правой ограждая крестомъ и говоря отпустъ. Пѣвецъ одинъ приглашалъ и меня подойти и когда я отказался, взялъ кусочекъ и поднесъ мнѣ. Но я не принялъ, показавъ рукой на уста, что-де я уже ѣлъ.—Иконы мѣстныя, въ серебряныхъ ризахъ, но письма невысокаго и недревняго—какъ и все вообще. Къ особенности греческаго храма относятся—паникадила, густо обвѣшенныя призмами. Но кромѣ паникадилъ висятъ еще нѣсколько лампадъ, по сторонамъ паникадилъ, спускаясь съ желѣзныхъ перекладинъ. Это лампы—для освѣщенія храма, а не для иконъ. Предъ иконами, не вблизи—какъ у насъ, а въ отдаленіи—стоятъ подсвѣчники съ большими свѣщами въ срединѣ, а для самыхъ мелкихъ—какъ спички свѣчекъ—сдѣланъ на подсвѣчникахъ какъ бы тазъ, и въ немъ насыпанъ песокъ, и вотъ въ этотъ песокъ и втыкаются свѣчки.

Послѣ зашелъ я и въ домовую церковь Пантелеймоновскаго подворья, на самомъ верху. Пѣли монахи (съ голосами) очень недурно. Было двое причастниковъ—моряковъ, въ пиджакахъ. Служилъ священникъ съ просѣдою. Причастники запивали изъ ковшичковъ (тоже два) и заѣдали кусочками просфоры. „Благословлю Господа“ прочли „до полу“. Въ храмѣ имѣется

ковчегъ съ частицею Животворящаго древа и частицами св. мощей, между прочимъ мучениковъ Пантелеймона и Харлампія. Вокругъ церкви терраса, съ которой чудный видъ на пристань и Золотой рогъ; къ сожалѣнію, множество дыма препятствуетъ хорошо видѣть. Сверху постройки кажутся грязноватыми.

Послѣ закуски Самсонъ Ивановичъ съ о. Діонисіемъ и о. Елисеємъ, монахомъ, сходили на пристань и записали для насъ каюту 4-хмѣстную на пароходъ „Одессу“.

22-го марта, въ субботу.

Послѣ обѣда, въ 12 часовъ, мы вышли съ подворья въ сопровожденіи переводчика Пантелеймона, молодого грека, въ часть, называемую „Стамбуль“ чрезъ новый мостъ, перекинутый чрезъ „Золотой рогъ“ (заливъ), заплативъ по „паричкѣ“ (2 коп.) съ человѣка—за мостъ (берутъ со всѣхъ). Затѣмъ наняли карету парную съ сидѣньями для четверыхъ, а проводникъ рядомъ съ кучеромъ, за плату: первый часъ 1 руб. 20 коп., послѣдующіе—по 80 коп. „Выѣздъ“—очень хорошій, лошадки тоже.

1-е. *Обозрѣніе* мы начали съ Софіи—„Айя Софія“. Снаружи она не представляетъ, благодаря разнымъ пристройкамъ и минаретамъ, особо выдающагося вида. Такихъ, по наружному виду, мечетей—много, съ полумѣсяцемъ—вмѣсто Креста.

Какъ можно предполагать: всѣ мечети за образецъ брали Софію. Находится она за каменной стѣной,—дворъ обширный, на немъ стоитъ какое-то зданіе, около котораго сидятъ на низенькихъ стульяхъ турки.

При входѣ на паперть (обширная) снимаемъ галоши и беремъ ихъ въ руки; платимъ муллѣ за право входа черекъ (=40 коп) за пятерыхъ; переступаемъ порогъ и останавливаемся, съ восхищеніемъ глядя на величественное архитектурное чудо. Открывается обширная площадь, предъ которой нашъ московскій храмъ „Христа Спасителя“ не можетъ быть сравненъ; куполь какъ бы виситъ надъ головой; множество оконъ подъ нимъ—льютъ массу свѣта. Колонны поддерживаютъ двухъ-ярусные хоры съ трехъ сторонъ; ближе къ бывшему алтарю особое, въ видѣ шатра, какъ-бы царское мѣсто; тоже вверху, украшенное рѣзною, золоченою рѣшеткою. Но чувство христіанина омрачается, не находя и признаковъ христіанскаго храма. По стѣнамъ большіе щиты, съ изреченіемъ изъ корана, масса висящихъ стаканчиковъ какъ паутиной, опутавшихъ все зданіе, но при входѣ ихъ не замѣчаешь, благодаря величинѣ зданія. На одномъ изъ мраморныхъ столбовъ, справа, виднѣется сабельный ударъ, сдѣланный завоевателемъ Царьграда Магомедомъ II, въѣхавшимъ въ храмъ на конѣ по тѣламъ 10 тысячъ убитыхъ грековъ. На другомъ же столбѣ показываютъ отпечатокъ его окровавленной руки, съ распростертыми пальцами. Мѣсто это выскоблено отъ крови по контурамъ.

Весь храмъ—мечеть застланъ коврами и въ разныхъ мѣстахъ сидятъ на корточкахъ муллы, читая и кланяясь по обычаю магометанъ. Въ боко-

вомъ же отдѣленіи слышатся дѣтскіе голоса учениковъ: оказывается, здѣсь помѣщается высшее духовное магометанское училище.

Не давши намъ хорошенько осмотрѣться въ Софіи, проводникъ повелъ насъ вонъ, и по предложенію его мы зашли въ мечеть-усыпальницу султановъ. Здѣсь указали намъ гробницы, въ видѣ огромныхъ гробовъ съ крышками, покрытыхъ коврами и шалами. Въ головахъ головные уборы—тюрбаны и толстыя восковыя свѣчи.

Показывали намъ древній коранъ, писанный (1000 лѣтъ тому назадъ, по объясненію молодого муллы), съ золотыми заставками. Навязывалъ онъ намъ и четки, но мы отказались и онъ рѣзко потребовалъ съ насъ доплаты въ данному нами. Отсюда мы проѣхали на ипподромъ, на которомъ стоитъ обелискъ, построенный въ 1600 г. до Р. Х., съ египетскими іероглифами, привезенный изъ Египта императоромъ Θεодосіемъ въ 390 г. Іероглифы сохранились замѣчательно хорошо. Недалеко отъ него стоитъ „Змѣиная“ колонна, поставленная въ 478 году, но головы змѣй отломаны. Здѣсь же каменная колонна императора Константина, построенная въ X вѣкѣ. Всѣ эти колонны и обелискъ своимъ основаніемъ стоятъ въ ямахъ около двухъ сажень глубиной; это доказываетъ, что уровень площади настоящаго времени настолько сталъ выше прежняго. Ипподромъ обгороженъ желѣзной рѣшеткой, съ цвѣтниками и зеленью, содержится очень чисто. Напротивъ помѣщаются разныя казенныя учрежденія. Отсюда мы отправились далѣе по узенькимъ улочкамъ, съ домами въ нѣсколько этажей, съ висящими, закрытыми балкончиками; но рядомъ съ хорошимъ домомъ стоитъ полуразрушающійся. Бѣдность и разрушеніе глядитъ повсюду, какъ будто это провинціальный городъ, приходящій въ запустѣніе. Вотъ мы подъѣзжаемъ къ колоннѣ Константина Великаго, скрѣпленной желѣзными обручами, верхъ сломанъ. Далѣе проѣзжаемъ улицами развалинъ, послѣ громаднаго пожара, бывшаго года 2—3 назадъ. Жутко становится отъ взгляда на это пепелище при мысли, что творилось здѣсь при скученности построекъ въ узенькихъ улицахъ! „10 тысячъ домовъ сгорѣло тутъ“, говоритъ намъ проводникъ.

Заѣхали мы по предложенію нашего чичероне, въ церковь, именуемой „Скорой послушницы“, гдѣ имѣется явленная икона Богородицы, явившейся на деревѣ. Отъ дерева этого остался одинъ пенъ сухой—въ полтора аршина вышиной, огороженъ желѣзной решеткой. Церковь греческая немногимъ чище Никольской, что близъ подворья. Полъ также застланъ грязными досками, кое-какъ прилаженными. Явленная икона аршина въ полтора вышины, обложена серебряной ризой. Черстосложеніе у Спасителя на ризѣ имянословное. Определить древность иконы затруднительно. Она или записана неискусно, или не старше 200 лѣтъ.

Приложившись къ ней и бѣгло осмотрѣвъ иконы въ иконостасѣ и по стѣнамъ, мы вступили чрезъ переводчика Пантелеймона въ разговоръ съ мѣстнымъ духовенствомъ. Имена ихъ, какъ мы узнали отъ нихъ, такія: глубокій старецъ-архимандритъ Макарій, живущій при церкви на покой;

священникъ Іорданъ и діаконъ Прокопій. Послѣдній, молодой красавецъ, и велъ болѣе съ нами разговоръ. Онъ, какъ видится, болѣе развитой и начитанный, обладающій свободной рѣчью. Другіе иногда только вставляли свои слова въ его отвѣты.

Мы обратились къ нимъ съ вопросомъ: „Какъ совершается у васъ крещеніе?“ Священникъ отвѣтилъ: „Трехпогружательно“. При этомъ показывалъ—какъ именно. Взялъ дѣвочку, стоявшую здѣсь (вѣроятно дочь кого либо изъ нихъ), зажалъ одной рукой ей ротъ, другой наклонялъ какъ бы въ купель. Но видя, что это не такъ наглядно показываетъ, взялъ крестъ и трижды опуская и возводя его, говоритъ—„вотъ такъ“.

Мы спрашиваемъ: „Съ головой погружаете?“—„Да да“, отвѣчаютъ, „съ головой, весь погружается съ головой“.—„Но если больной, можетъ быть, обливаете?“ Діаконъ нѣсколько замаялся, но архимандритъ Макарій настойчиво заявилъ: „И больного обязательно погружаемъ“. Мы спросили показать намъ купель. По приказанію священника пономарь принесъ въ мѣшкѣ купель и вынувъ, началъ ввинчивать подножку. Но мы его остановили, ибо и безъ этого видно, что купель совершенно (и по формѣ) такая же какъ у насъ, мѣдная. Послѣ сего мы спросили: „Какъ принимаете вы въ соединеніе католиковъ, крещенныхъ поливательно?“ Они сначала не поняли, или переводчикъ не вѣрно передалъ нашъ вопросъ. Мы повторили свой вопросъ. Тогда архимандритъ Макарій отвѣтилъ: „Крестимъ вновь обязательно“. „Но если католическій ксендзъ пожелаетъ присоединиться, какъ его примете?“ Діаконъ пространно началъ говорить, „что если присоединяющійся истинно желаетъ въ греческую православную вѣру—не ради матеріальныхъ расчетовъ, а по убѣжденію, то его должно крестить снова, такъ какъ поливательное крещеніе не признается за дѣйствительное. Послѣ крещенія онъ вновь хиротонисается“. Спросили мы ихъ про митрополита Амвросія. Но они ничего не знаютъ о немъ, указавъ намъ справиться объ этомъ въ патріархіи. При прощаніи они предложили намъ записать свои имена. Мы назвали себя, и діаконъ записалъ. Узнавъ изъ записи, что предъ ними епископы, они взяли наши руки и поцѣловали. Изъ этихъ разговоровъ мы еще болѣе убѣдились, что увѣреніе безпоповскихъ начетчиковъ, что будто греки крестятъ обливательно, а слѣдовательно и митрополитъ Амвросій крещенъ обливательно—несправедливо. Не заслуживаетъ вѣроятія и увѣреніе миссіонеровъ, что митрополитъ Амвросій былъ судимъ и при концѣ жизни возвратился въ греческую вѣру. Такой глубокий старецъ какъ архимандритъ Макарій (ему болѣе 75 лѣтъ), ничего не знаетъ про такое дѣло. Не знаетъ и не читалъ ничего подобнаго и любознательный діаконъ Прокопій.

Отсюда проѣхали мы внѣ городскихъ стѣнъ къ „Живоносному источнику“. Стѣны городскія, несмотря на свою двухтысячную давность и полуразрушенность, удивляютъ своею массивностью. Въ два ряда тянутся эти стѣны съ трехъ сторонъ горда. Глубокой и широкой ровъ, наполнявшійся

водою, придавалъ городу неприступность. Проѣзжая чрезъ ворота, мы вспомнили нашего русскаго князя Олега, который, несмотря на такую крѣпкую стѣну и ровъ, сумѣлъ взять городъ и въ знакъ этого прибилъ свой щитъ надъ вратами града. Эти стѣны, какъ видится, служатъ любимымъ мѣстомъ гулянья турокъ, а можетъ быть и грековъ, ибо ихъ трудно различить: тѣ и другіе носятъ фески. На этихъ стѣнахъ и во рву мы видѣли и пасущихся овецъ, такъ какъ стѣны поросли травой и даже крупными деревьями. Дорога къ „Живоносному источнику“ пролегаетъ между турецкихъ кладбищъ, обсаженныхъ кипарисовыми и другими деревьями. Проѣзжаемъ кладбище. Масса турецкихъ памятниковъ, въ видѣ стоящихъ плитъ, съ надписями и украшеніями. Имѣются и особые мѣста, обнесенныя желѣзною рѣшеткою и покрытыя въ видѣ бесѣдки. Мѣстность „Живоносный источникъ“ именуется „Балуклія“, находится очень далеко, за кладбищами. Здѣсь построенъ монастырь на мѣстѣ чудесно истекшаго источника по молитвѣ императора Льва. Вода источника и понынѣ считается цѣльбоносной и усердно посѣщается богомольцами. Прекрасная, сравнительно новая церковь, богато украшенная. Въ оградѣ ея похоронены видныя лица: нѣсколько патріарховъ (въ томъ числѣ Анфимъ, современникъ м-та Амвросія) и митрополитовъ и богатыхъ лицъ, „у кого денегъ много“, — замѣтилъ нашъ Пантелеймонъ. Самый источникъ протекаетъ въ довольно глубокомъ, особо устроенномъ каменномъ зданіи, куда ведутъ нѣсколько ступенекъ. Вода очень вкусная. Въ бассейнѣ водятся особой породы рыбы, — съ одной стороны красныя, съ другой — темныя. Съ этимъ связано преданіе о взятіи Константинополя турками. Жарившій рыбу монахъ не повѣрилъ этому, сказавъ: „Я тогда повѣрю взятію Константинополя, когда эти рыбы оживутъ“. И вдругъ совершилось чудо: изжарившіяся уже съ одной стороны рыбы оживѣли! Но мы ихъ хорошо видѣть не могли.

Въ церкви большія свѣщи на подсвѣчникахъ и паникадила обвиты чернымъ флеромъ. Пантелеймонъ говоритъ, что это для покойника и остается такъ до 40 дня. Часть храма за рѣшеткой (обычно отдѣляемая отъ простого народа) застлана коврами.

Не безъ труда проѣхавъ по дорогѣ, внѣ городскихъ стѣнъ, устланной крупными камнями и довольно выбитой, со спусками и подъемами, мы въѣхали чрезъ древнія ворота опять въ тѣсныя улицы, съ новыми домами — рядомъ съ разрушающимися. Поѣздка внѣ древнихъ стѣнъ очень интересна. Съ одной стороны возвышаются величественныя стѣны, съ башнями — разрушенными и полуразрушенными; съ другой, — за каменной оградой, съ желѣзными рѣшетками, тянутся турецкія могилы, среди зеленѣющаго лѣса и стройныхъ, какъ свѣчи, темныхъ кипарисовъ. Въ промежуткахъ кладбищъ открывается чудный видъ на Босфоръ, а также часто встрѣчаются цвѣтушіе сады и огороды съ кейфующими семьями турокъ, грековъ и евреевъ. Дважды попадался намъ старый еврей, въ лисьей поддевкѣ, прогуливающийся съ семьей по дорогѣ и привѣтствующій насъ по-русски: „здрасти“. Дѣти

цыганята и жиденята приставали къ намъ, прося подачки, причемъ жиденята тоже привѣтствовали насъ: „здрости“. Это „здрости“ случалось слышать и въ городѣ отъ взрослыхъ и дѣтей, но непременно отъ евреевъ.

Въ одной изъ горныхъ улочекъ Пантелеймонъ показываетъ намъ на мечеть, подъ горой стоящую, говоря, что это была церковь Θεодора Студита и въ ней есть что посмотреть. Мы сошли съ горы, привѣтствуемые дѣтьми; у мечети сидѣло нѣсколько муллъ, изъ которыхъ, при нашемъ приходѣ, всталъ одинъ и, попривѣтствовавши насъ словомъ „здрости“, повелъ въ мечеть. Взошли мы въ большую паперть христіанскаго храма и остановились въ восхищеніи: со стѣны глядѣлъ на насъ чудный ликъ Спасителя (въ ростъ человека) изъ мозаики; съ другой стѣны—Владычица въ молитвенномъ видѣ. Къ сожалѣнію много, въ особенности нижняя половина изображенія, и болѣе у Богородицы, неискусно поправлена. Вверху и на стѣнахъ изображенія изъ священной исторіи — тоже мозаичныя и прекрасно сохранившіяся; глазъ не можетъ оторваться отъ этихъ святыхъ изображеній, художественно исполненныхъ, напоминающихъ наше строгоновское письмо, съ длинными фигурами. Не однажды въ изображеніяхъ встрѣчается двуперстное сложеніе и только у Спасителя, о которомъ я говорилъ во-первыхъ, перстосложеніе именословное. Епископъ Мелетій говорилъ, что это позднѣйшая работа, болѣе приближающаяся къ живописи.

Мы же съ о. Діонисіемъ говорили, что одного времени, а разница происходитъ отъ исполненія мелкаго и крупнаго изображенія. Послѣднее болѣе тонко сработано, съ оттѣнками, и поэтому кажется подходящимъ къ живописи. Подобное встрѣчается и въ иконописи.

Въ придѣлѣ, справа, тоже частью сохранились фрески, но не особо художественно исполненныя. У одного святителя, подобенъ Николѣ, перстосложеніе двуперстное. Въ куполѣ много изображеній, но подробно осмотрѣть было трудно безъ бинокля, да и сомнѣніе являлось—не поновлены ли эти фрески. Ужъ очень краски рѣзкія.

Отсюда мы проѣхали къ мѣсту бывшей Влахернской церкви: мѣсто это находится во дворѣ частнаго владѣльца. Проходимъ дворомъ мимо сада, съ цвѣтущими деревьями и клумбами цвѣтовъ, гдѣ сидитъ духовное лицо (по одѣянію и кlobуку они не отличаются отъ простыхъ монаховъ, такъ намъ казалось) и вѣроятно—владѣлецъ. Въ глубинѣ двора стоитъ церковь небольшая, въ которой и указываютъ мѣсто гдѣ стоялъ св. Андрей юродивый съ Епифаніемъ и видѣлъ Покровъ Божіей Матери. Имѣется здѣсь источникъ, но вода мнѣ показалась невкусной и довольно холодной. (Вечеромъ и ночью у меня зубы „ныли“ отъ холодной ли воды или отъ другого чего). Въ церкви царскія двери были сняты и закрыты полуздернутой завѣсой, поднимающейся какъ сторы на окнѣ, что и продѣлалъ служитель церкви. Въ церкви, у западныхъ дверей, имѣется особое, загороженное мѣсто, гдѣ на столбикахъ положена каменная, бѣлаго мрамора, плита, на которой, по преданію, стоялъ св. Андрей юродивый, и на ней сосудъ съ водою.

Послѣ послѣдняго осмотра мы, довольно утомившіеся, да и лошади устали, отказались посѣтить патріархію въ Фанарѣ, хотя это было и на пути нашего возвращенія. Доѣхавъ до площади у моста въ Стамбулѣ, гдѣ взяли извозчика, мы разочли его. Проездили мы 5 часовъ 10 минутъ, заплатили 4 руб. 80 коп. Черезъ „новый мостъ 1912 года“,—такъ называется онъ въ снимкахъ,—мы прошли въ свое подворье. Попивъ чаю и поужинавъ, записали по обычаю, что видѣли; написали открытки роднымъ и знакомымъ въ Россію.

Проезжая по городу, мы невольно обращали наше вниманіе на любовь турокъ къ животнымъ. Лошади, ослики и буйволы, запряженные въ повозки, украшены бусами на шеѣ, иногда ряда въ два.

А также и на хомутахъ—на крупѣ—украшенія. Большею частью бирюза (поддѣлка, конечно).

23-го, въ воскресенье, мы, въ сопровожденіи Ипполита—дяди Пантелеймона (онъ остался для встрѣчи паломниковъ изъ Одессы—на парох. „Одесса“) прошли по мосту къ пристани и сѣли на пароходикъ, перевозящій въ кварталъ „Фанаръ“. Масса каюковъ, спующихъ по Золотому рогу; лѣсъ мачтъ судовъ, мелкихъ пароходовъ разныхъ націй; далѣе, военный флотъ—броненосцы, миноносцы, но не крупные. Высадившись въ Фанарѣ, прошли саженъ сто и поднялись къ зданію патріархіи, въ которую вели трое неширокихъ воротъ. Одни, среднія, задѣланы и на нихъ написанъ четвероконечный крестъ; это ворота, на которыхъ былъ повѣшенъ турками патріархъ Григорій, заподозрѣнный ими въ измѣнѣ. На другой сторонѣ помѣщенъ его портретъ. Налѣво ворота ведутъ въ патріаршую церковь св. Георгія. Когда мы вошли, народу было порядочно, до рѣшетки. Насъ кавасы, стоящіе у входа за рѣшеткою, попросили пройти за рѣшетку, чѣмъ мы и воспользовались; прошли и стали налѣво, у стасидій, почти напротивъ патріарха Германа, воздавъ его святѣйшеству поясной поклонъ. Патріархъ возсѣдалъ на каедрѣ, приписываемой св. Іоанну Златоусту, облаченный въ соборную мантию обычнаго, какъ и у насъ цвѣта и формы, но источники нашиты нѣсколько иначе и на нихъ во многихъ мѣстахъ висятъ шнурки желтые и черные, длиною вершковъ шести. На шеѣ патріарха надѣта была одна панагія, осыпанная брилліантами, а на головѣ черный, обычной на востокъ формы, клобукъ. Справа, на возвышеніи для стасидій, предъ патріархомъ стоялъ съ жезломъ монахъ или священнослужитель (по одѣянію и головному убору нельзя опредѣлить это). Служилъ одинъ священникъ и діаконъ—тенора. На клиросахъ, устроенныхъ ближе къ алтарю на полукругломъ возвышеніи въ три приступа и обращенныхъ другъ къ другу, стояли пѣвцы: по два главныхъ—въ черныхъ шапочкахъ, и человекъ до 15 молодыхъ людей и мальчиковъ (послѣднихъ большинство), въ особыхъ черныхъ одѣяніяхъ въ видѣ рясы съ широкими рукавами. Но молодые люди—въ пиджакахъ и сюртукахъ. Продолжалась утренняя. Чтенія никакого не было: все пѣли. Пѣніе хоровое—унисонное, недурно; взрослые и начальники хоровъ нѣсколько

нотъ еще пускаютъ въ носъ, но мальчики съ хорошими голосами поютъ чисто.

Всего болѣе за заутреней понравилось намъ „Величить душа моя Господа“ и „Честнѣйшую херувимъ“; запѣвалъ самъ патріархъ; пѣли не спѣша, съ увлеченіемъ и твердо всѣми усвоенное. Пѣніе напоминаетъ старообрядческое, но болѣе однообразное—безъ низкихъ и высокихъ нотъ. Иногда главный пѣвецъ забираетъ и высоко, но прочіе тянутъ одну ноту, изрѣдка присоединяясь и произнося текстъ; это очень красиво.

Ектеніи діаконъ говоритъ высокимъ теноромъ и для непривычнаго уха—негармонично. Пѣвцы отпѣваютъ, кажется, не на всѣ прошенія, „Кирие елейсонъ“—тихо, чуть не въ октаву діакону. Басовъ среди пѣвцовъ нѣтъ. Ни палочкой, ни рукой маханія нѣтъ.

Послѣ нашего прихода взошли за рѣшетку человекѣ 8, какъ оказалось, митрополитовъ, послѣ легкаго наклоенія головы къ патріарху занявшихъ по лѣвую его руку стасидіи.

Среди службы два манаха (а можетъ-быть и священники въ черныхъ рясахъ и клобукахъ) вынесли двое складней—въ двѣ иконы, и одинъ положили на аналой. Предъ этимъ служитель въ черной шапочкѣ и мантии вынесъ свѣщу толстую—фунтовъ въ пять, на подсвѣчникѣ,—безъ донышка, и поставилъ противъ патріарха, держа за край. Тогда патріархъ сошелъ съ мѣста и, сотворивъ поклонъ предъ народомъ, покрестился и поцѣловалъ на складняхъ икону на правой сторонѣ, потомъ также на лѣвой, также опять направо и налево. Затѣмъ три поклона предъ аналоемъ и, благословивъ народъ, сталъ на свое мѣсто. То же совершили, поочередно, по одному и всѣ митрополиты. Только послѣ кланаясь, легкимъ наклоненіемъ головы, патріарху. Пѣвцы пѣли какъ бы величаніе, а мальчики канонархали, каждый на своемъ клиросѣ, обращаясь къ пѣвцамъ и стоя на 2-й ступени. Патріархъ на поклоны къ нему не отвѣчалъ—ни благословеніемъ, ни наклоненіемъ головы. А когда говорилъ „миръ всѣмъ“, бралъ въ лѣвую руку жезль и благословлялъ, дѣлая въ воздухѣ какъ бы подобіе креста—всѣми перстами, не сложенными даже и въ именословное сложеніе, но будто всею ладонью съ согнутыми нѣсколько пальцами. Крестное знаменіе на себѣ совершаютъ какъ будто триперстно, дѣлая малый крестъ на груди. Земныхъ поклоновъ не было. Только мальчики-канонаристы, исполнивъ свое дѣло, вышли на средину и, сотворивъ три поясные поклона, поклонились въ землю патріарху очень чинно.

Незамѣтно для насъ, не знающихъ языка, началась литургія. Чтенія никакого. Пѣли антифоны (вѣроятно) съ канонаристомъ мальчикомъ—очень хорошо. Выходъ съ Евангеліемъ совершался такъ: изъ сѣверной двери шли прямо по лѣвому (женскому) отдѣленію на средину церкви, въ предхожденіи двухъ мальчиковъ (перепоясанныхъ лентами—какъ иподіаконы) съ двумя діаконскими (по-нашему) свѣщами. Патріархъ и митрополиты сошли на нижнія приступки, патріархъ приложился къ Евангелію и по воз-

гласъ діакона запѣлъ: „Прїидите поклонимся“ и сталъ на свое мѣсто, упираясь жезломъ. Послѣ входа долго пѣли что-то: поминая патріарха—обращаясь къ нему лицомъ. „Агіосъ о Θεосъ“—пѣли рѣдко, дѣлая удареніе на А. Запѣвалъ самъ патріархъ. Апостолъ читалъ мальчикъ въ рясѣ, на первой ступени лѣваго клироса, обратясь на народъ. Погласица—неважная, съ повышеніемъ и пониженіемъ даже на одномъ словѣ. Діаконъ—кадилъ по-трижды, не дѣлая креста. По кажденіи, завивъ въ жгутъ свои косы и заложивъ ихъ за воротъ, взялъ Евангеліе и чрезъ минуту голосъ его раздавался позади насъ, сверху. Оказалось, что онъ взошелъ на каеэдру, съ лѣвой стороны устроенную, на которую ведетъ витая лѣстница, и оттуда пропѣлъ Евангеліе теноромъ, безъ особаго склада. Тотчасъ же за этимъ, безъ ектеніи, запѣли—„Иже херувимы“. Пѣлъ лѣвый клиросъ на своемъ мѣстѣ. Мотивъ, напоминающій нашъ: спокойный, безъ выкриковъ. Мальчики и взрослые, какъ я и раньше уже говорилъ, иногда только выговариваютъ текстъ, а болѣе тянутъ одну ноту. Выходъ большой совершался, какъ и малый, боковой частью на средину, но съ тремя возгласеніями. Патріархъ и митрополиты сошли на нижнюю ступень и сняли клобуки.

„Вѣрую“ и „Отче нашъ“ читалъ патріархъ, взявши въ руку лѣвую жезлъ, а правой придерживаясь за каеэдру.

По „Достойно“ діаконъ съ амвона, лицомъ къ народу и къ патріарху, возглашалъ кечанду, поминая патріарха Германа константинопольскаго и другихъ патріарховъ—по имени и по каеэдрѣ. Заамвонную молитву священникъ читалъ съ амвона, обратясь къ иконѣ Спасителя. При пѣніи псалма или иныхъ стиховъ, патріархъ самъ раздавалъ дору, для чего сошелъ съ каеэдры, ставъ къ ней спиной, т-е. правой стороной къ иконостасу. Напротивъ его стали три каваса въ фескахъ, которые рукою приглашали и насъ подойти. Но мы отвѣтили поклономъ. Первые подошли митрополиты и, принявъ кусочекъ доры, цѣловали руку патріарха, и скушавъ, шли изъ церкви. Народъ, не исключая и женщинъ (которыхъ впрочемъ было мало), проходили мимо кавасовъ и, принявъ дору и поцѣловавъ руку патріарха, подходили къ иконостасу и нѣкоторые прикладывались къ мѣстнымъ иконамъ. Раздавалъ патріархъ дору правой рукой, въ лѣвой же держалъ крестъ, давая цѣловать его—не ограждая. Подходящіе прежде цѣловали крестъ и лѣвую руку, а затѣмъ изъ правой его руки принимали дору и цѣловали правую руку. По окончаніи сего патріархъ, взявши жезлъ, пошелъ изъ церкви; подолъ мантии его несъ жезлоносецъ, поднявъ его довольно высоко.

Еще до раздачи доры нашъ проводникъ Ипполитъ переговорилъ съ еkkлeсiархомъ, который спросилъ патріарха: когда онъ можетъ принять насъ. При этомъ мы послали свои визитныя карточки. Еkkлeсiархъ, переговоривъ съ патріархомъ, отвѣтилъ Ипполиту, что патріархъ приметъ насъ завтра въ десять часовъ. Мы этимъ были очень обрадованы, что такъ легко намъ придется получить аудіенцію у вселенскаго патріарха. По уходѣ

всѣхъ изъ церкви мы приложились къ нѣкоторымъ иконамъ и къ мощамъ: св. великомученицы Евфиміи, лежащей въ ковчегѣ костями—совершенно открыто. Ковчегъ со стеклами, закрывается и запирается внутреннимъ замкомъ. Видомъ ковчегъ—какъ небольшой гробъ. Рядомъ за этимъ ковчегомъ, тоже въ ковчегѣхъ, части мощей царицы Теофаніи и мученицы Соломоніи, матери Маккавеевъ. Въ правомъ углу иконостаса показываютъ икону Предтечи, нѣкогда брошенную въ костеръ, но не сгорѣвшую, а только снизу опаленную, со скипѣвшимися красками. Затѣмъ часть столба, къ которому привязанъ былъ при бичеваніи Спаситель. Весьма заинтересовала насъ каеэдра, по преданію принадлежавшая св. Іоанну Златоусту. Каеэдра эта чернаго дерева съ рѣзбою и украшеніями изъ слоновой кости.

Возвратились мы въ хорошемъ расположеніи духа, считая за успѣхъ, что видѣли и что завтра будемъ приняты патріархомъ и переговоримъ объ интересующихъ насъ предметахъ: крещеніи, чинопріемѣ и о митрополитѣ Амвросіи и о лицахъ, имъ рукоположенныхъ. Почему съ нетерпѣніемъ ожидали завтрашняго дня.

Пообѣдавъ и отдохнувъ, проѣхались взадъ и впередъ на трамваѣ, идущемъ по улицѣ, лежащей параллельно Босфору: мимо дворца Абдуль-Гамида и казармъ. Особенность турецкихъ трамваевъ—это передвигающаяся портьера, отдѣляющая переднее одно, два или три сидѣнья (смотря по количеству) для турчанокъ, гдѣ мужчинамъ сидѣть воспрещено. Кондукторы очень вѣжливые и предупредительные. Въ вагонахъ курить не воспрещается. По улицѣ особо интереснаго не встрѣтили; погода была сырая и нерѣдко шелъ дождь. Проѣхались мы до мѣстности Артакое мимо дворца Долма-Бахче, за высокой каменной стѣной.

Въ понедѣльникъ, 24-го марта, напившись чаю, мы въ сопровожденіи Пантелеймона направились уже извѣстнымъ намъ путемъ въ Фанаръ въ патріархію, куда и прибыли къ 10-ти часамъ, какъ было назначено. Въ прихожей облачились въ мантии и камилавки. По докладѣ кому слѣдуетъ насъ провели сначала въ общую пріемную, гдѣ сидѣли мужчины и женщины, а потомъ пригласили въ кабинетъ секретаря или членовъ синода. Иконъ въ комнатѣ не было. Столъ письменный, чернаго дерева, стоялъ ближе къ стѣнѣ, но не у стѣны. Сюда вошелъ, какъ намъ объяснилъ кавасъ, митрополитъ; кивнувъ намъ головой, сѣлъ писать. Написавши, ушелъ. Вошелъ другой митрополитъ—старикъ, къ которому молодой человѣкъ принесъ нѣсколько бумагъ, которыя тотъ, просматривая, подписывалъ. Наконецъ ушелъ и этотъ. Намъ подали по маленькой чашечкѣ кофе и въ это время вошелъ личный секретарь патріарха; при его входѣ кавасъ предложилъ намъ встать. Поздоровавшись съ нами за руку, секретарь на чистомъ русскомъ языкѣ спросилъ насъ о цѣли прихода. Мы объяснили, что ѣдемъ на богомолье въ Іерусалимъ и сочли своимъ долгомъ повидать его святѣйшество и поклониться ему. Объяснили—кто мы. Секретарь заявилъ, что сейчасъ патріархъ занятъ—экстренное засѣданіе синода. Мы стали просить: нельзя ли

хоть нѣсколько минутъ удѣлить намъ, хотя бы послѣ засѣданія; мы готовы ждать. Секретарь ушелъ и чрезъ нѣсколько минутъ вышелъ и сказалъ, что засѣданіе продлится не менѣе какъ до 12 часовъ; но что онъ до 2-хъ часовъ дастъ намъ зтатъ на подворье, когда можетъ принять насъ патріархъ. Мы сказали, что въ два часа мы намѣрены посѣтить музей, поэтому онъ и обѣщалъ сказать—не позднѣе 2 часовъ.

Огорченные этой неудачей, мы ушли изъ патріархіи и возвратились пароходикомъ и чрезъ „новый мостъ 12 года“ домой, обсуждая: дѣйствительно ли патріархъ занятъ экстреннымъ засѣданіемъ синода, о которомъ, однако, вчера, назначая аудіенцію въ 10 часовъ, не зналъ? Являлась мысль, что это не безъ вліянія русскаго посла, котораго мы обошли, вопреки указанію путеводителей—„подать письменное прошеніе о желаніи представиться патріарху и на другой день притти за отвѣтомъ“. Или причиною послужило то обстоятельство, что ожидали выслушать отъ насъ вопросы щекотливаго свойства, на которые отвѣтить прямо, не задѣвая интересовъ Русской церкви, сочли очень неудобнымъ.

Могло быть и дѣйствительно экстренное засѣданіе синода, и потомъ канунъ праздника Благовѣщенія. Но такъ или иначе наше настроеніе было испорчено... Послѣ этого мы проѣхали въ Перу—взадъ и впередъ по европейскимъ улицамъ, съ богатыми магазинами. Купили газетъ русскихъ отъ 21-го и возвратились въ подворье. Въ 2 ч. 10 м. не дождавшись отвѣта (хотя епископъ Мелетій настаивалъ еще дожидаться отвѣта), мы съ студентомъ Алексѣемъ Степановичемъ Башкировымъ (урожд. Казанской губерніи, отецъ его былъ учителемъ въ селѣ Нижнемъ-Услонѣ) проѣхали чрезъ туннель въ Перу и прошли въ музей Археологическій при Императорскомъ русскомъ посольствѣ, подъ завѣдываніемъ Θεодора Ивановича Успенскаго (однофамильца А. И. Успенскаго). Познакомились съ нимъ и онъ показалъ намъ снимки съ мозаикъ и фресокъ церкви, именуемой „Хора“, которую называли намъ проводникъ и мулла—бывшимъ монастыремъ Θεодора Студита. Большой альбомъ, хорошо исполненный. Нѣкоторые снимки—въ нѣсколько красокъ. Хорошъ снимокъ Спасителя съ двуперстнымъ сложеніемъ. Но есть и съ именословнымъ. По изслѣдованію Θ. И. (есть цѣлая книга) мозаики относятся къ XIV вѣку. На вопросъ епископа Мелетія: всѣ ли мозаики одного времени? Θ. И. отвѣтилъ:—„Нѣтъ, разница до 100 и болѣе лѣтъ“.

Затѣмъ г. Успенскій показалъ намъ снимки съ древней (XI—XII вѣка) рукописной Библии, съ множествомъ иллюстрацій. Рукопись эта, по его объясненію, вторая—изъ такого рода Библей. Мы, конечно, болѣе обращали вниманіе на перстосложеніе, которое оказалось частію именословное, но есть и съ двуперстіемъ. Хороши бытовыя сцены изъ жизни евреевъ и разныхъ народностей. Показывалъ Θ. И. и давалъ поясненія еще нѣсколькимъ снимкамъ съ новооткрытыхъ фресокъ въ Солуни, въ церкви Димитрія Солунскаго. Вообще, по словамъ Θ. И., археологическихъ древностей и христіанскихъ—

очень много, которыя ждутъ работниковъ. Они не рекламируя и безъ шуму, дѣлають все возможное; къ сожалѣнію, имъ въ очень и очень ограниченномъ размѣрѣ отпускаются на это средства. Приглашенный имъ секретарь и помощникъ—Борисъ Панченко передалъ намъ (по секрету), что въ окрестностяхъ Константинополя есть мозаичная икона Богородицы, цѣнимая въ 12 тысячъ. Заговоривъ объ иконахъ, мы попросили показать намъ ихъ собраніе иконъ. Оказалось, что собраніе хранится въ зданіи посольства. О. И. поручилъ Борису Амфіановичу завтра въ 9 часовъ показать намъ. Поблагодаривъ О. И. мы вышли и прошлись до туннеля, спустились на элеваторѣ въ Галату и, сѣвъ на трамвай, проѣхали къ Айя-Софіи, чтобы еще разъ осмотрѣть ее болѣе подробно, при объясненіи Алексѣя Степановича. Когда мы пришли,—совершался „намазъ“,—вечернее богослуженіе магометанъ, и поэтому пришлось повременить. Въ это время мы осмотрѣли двери и облицовку стѣнъ. Надъ главнымъ входомъ есть три круглыхъ изображенія и боковыя, кажется, архангелы, просвѣчивающіе сквозь известку. Вошедши въ храмъ, мы увидѣли въ разныхъ мѣстахъ преподаваніе корана учеными муллами, повидимому читающими лекціи своимъ молодымъ (но есть слушатели и посторонніе) одновѣрцамъ, сидящимъ по-восточному на коврахъ. Обошли весь храмъ, удивляясь его обширности. Всѣ христіанскія изображенія—мозаичныя и фресковыя—заштукатурены, и только въ одномъ мѣстѣ на сводѣ, гдѣ обычно помѣщаются евангелисты, просвѣчиваютъ крылья херувима, но лицо закрыто звѣздой. Отсюда мы прошли мимо Оттоманскаго музея и бывшей церкви св. Ирины, гдѣ нынѣ арсеналь. На площади, ближе къ зданію военныхъ учрежденій, стоитъ старое дерево—платанъ, около котораго собираются турки и рѣшаютъ важныя дѣла. Здѣсь была рѣшена участь султана и поворотъ къ новому режиму.

Прошлись по базару, но не попали на главный, а по другимъ улицамъ. Грязи много, толкотня и крикъ людей, осликовъ, навьюченныхъ разными предметами. Часть базара находится подъ деревянной крышей, мѣстами обрушившейся; вонь и грязь. Не безъ труда мы выбрались съ базара къ мосту и прошли домой.

Вовзратившись въ подворье, мы услышали отъ о. Елисея, что изъ патріархіи принесена записка настоятелю, въ которой сказано, что патріархъ не можетъ насъ принять—ни сегодня ни завтра. Мы пожелали видѣть эту записку; но оказалось—настоятель служилъ всенощное въ посольствѣ. Часовъ въ 8 намъ показали ее. Въ ней значилось: „Глубокоуважаемый о. Алексѣй! Передайте пожалуйста вашимъ старообрядческимъ гостямъ, что Его Святѣйшеству, къ сожалѣнію, сегодня и завтра не будетъ возможно принять ихъ. Вашъ Хр. 24 марта 1914 года“.

Какъ видите, патріархія обошлась безъ упоминанія нашихъ іерархическихъ наименованій, что подтверждаетъ нашу догадку—о вмѣшательствѣ русскаго посла...